

Шохв Олександр Сергійович (Одеса) - здобувач кафедри культурології факультету історії та філософії Одеського національного університету імені І. Мечникова

ЮРГЕН ХАБЕРМАС О НИКЛАСЕ ЛУМАНЕ И ПРИСВОЕНИИ НАСЛЕДИЯ ФИЛОСОФИИ СУБЪЕКТА

Юрген Хабермас в «Философском дискурсе о модерне» охарактеризовал концепцию Н. Лумана как не имеющую себе равных «по концептуальной мощи, теоретической фантазии и диапазону возможностей» [1, с. 364]. Анализу концепции Н. Лумана Ю. Хабермас посвятил отдельный экскурс в XII-й лекции своей книги [1, с. 376-394].

С точки зрения Ю. Хабермаса системная теория в варианте Никласа Лумана «представляет себя наследницей исчезнувшей философии общества и стремится унаследовать основополагающие понятия и постановку проблем от философии субъекта» [1, с. 376]. Вопрос, который исследует Юрген Хабермас в своём экскурсе, состоит в том, в какой мере системная теория в варианте Н. Лумана наследует проблемы модерна, «которые и выдвинули на первый план разочарование в субъект-центрированном разуме как принципе модерна» [1, с. 376].

В первую очередь Ю. Хабермас видит в концепции Н. Лумана замену традиционно понимаемого субъекта – *системой*. Хабермас пишет: «Конечно, «самость» системы отличается от «самости» субъекта, так как она не концепируется в «Я» апперцептивного «Я мыслю» [1, с. 376-377]. Система не обладает знанием о себе в форме самосознания, у неё нет и не может быть некоего центра самоосознания. Однако, у системы есть «самореференция» (термин Н. Лумана). Самореференция – это форма рефлексии, доступная системам. Благодаря введению этого термина можно отделить рефлексивность и сознание, понять, что рефлексивность в каком-то изменённом виде может характеризовать систему, самоопределяя её через самоотнесённость и через вычерчивание собственных границ своими аутопойэтическими (то есть воспроизводящими те или иные части системы) операциями. Юрген Хабермас пишет: «место способного к самосознанию субъекта занимают смыслоперерабатывающие или смыслоиспользующие системы» [1, с. 377]. А само понятие «смысл» у Никласа Лумана Ю. Хабермас определяет как «совокупность ссылок на интенциональные переживания и действия, актуализированные возможности» [1, с. 377].

Юрген Хабермас формулирует несколько выводов, касающихся того, как именно в рамках системной теории Лумана преобразуются направления и мотивы философского мышления о субъекте.

Юрген Хаберма пишет о текстах Н. Лумана, что «отношение системы с окружающим миром мыслится по примеру мира, конституированного через трансцендентальное сознание» [1, с. 377]. Разница в том, что систем - множество и каждая из них по отношению ко всем другим системам является окружающим миром и «поскольку система отграничивает себя от своего окружения, она конституирует его как универсальный для себя смысловой горизонт» [1, с. 377]. Сверхсложное окружение каждой системы формирует вместо одного трансцендентального мира множество системно-относительных окружающих систему трансцендентальных

миров [1, с. 377]. Благодаря этому различие между трансцендентальным и эмпирическим, питавшее философские размышления со времен И. Канта, «теряет... своё значение» [1, с. 377]. Хабермас оценивает этот мыслительный ход как смену направления трансцендентально- философского подхода в «духе эмпиризма» [1, с. 377].

Системная теория Н. Лумана включает в себя акты познания не как акты, совершаемые субъектом, а как часть крайне сложной работы смыслоперерабатывающей или смыслоиспользующей системы. Таким образом, познание лишается субъектности, но предстаёт в совершенно ином облике: как часть аутопойэзиса системы по осуществлению операций, направленных на самовоспроизводство и самореференцию. Как писал сам Н. Луман, любящий парадоксальные формулировки, «субъектами могут быть только объекты» [2, с. 333].

«Системная теория Лумана — это движение мысли от метафизики к метабиологии» [1, с. 379], — пишет Юрген Хабермас, и далее поясняет: «я имею в виду кибернетически описанные основные явления самоутверждения самонаправленных систем по отношению к сверхсложному окружению» [1, с. 379]. Это существенно отличает общую направленность системы философских понятий на бытие, мышление, истину, поскольку больше не включает в себя персональную человеческую субъектность. Выживание систем, их многообразие и непрерывно происходящий естественный отбор, сочетающийся с контингентностью вариантов будущего каждой из систем, — об этой сверхкомплексности уместнее говорить в терминах биологии (или того, что лежит в её основе — «метабиологии»), чем в терминах физики (или того что скрывается за ней —

«метафизикой»). Система различает себя и окружающий её мир, она поддерживает это различие, тем самым сохраняя себя. «Поддерживающее себя самосохранение системы заменяет рассудок, определённый относительно бытия, мышления или высказывания» [1, с. 379]. Разум у Н. Лумана преобразуется в то, что Ю. Хабермас именуется «системной рациональностью» [1, с. 380], то есть в совокупность необходимых условий для сохранения системы и поддержания её различия с окружающей средой (частью которой являются другие системы).

Юрген Хабермас замечает, что с заменой *субъекта* на *систему* изменился сам топос мышления: если раньше познающая система (субъект) была замкнута на периферии, но открыта в центре (через условие трансцендентальности познающего субъекта), то теперь, в теории Н. Лумана, система открыта «в точках соединения с периферией» [1, с. 380], на границах, там где происходит структурное сопряжение системы с окружающей средой.

«Социальные системы перерабатывают смысл в форме коммуникации» [1, с. 387],

— пишет Ю. Хабермас. Но хотя коммуникация и осуществляется посредством языка, она не исчерпывается им. Язык лишь кодирует смыслы, однако, понимание смысла происходит часто помимо языка: Н. Луман выделяет три селекции: информации, сообщения и понимания. Чтобы коммуникация установилась, иногда необходимо понять вовсе не то, что является содержанием сообщения (информацию), но то, что является смыслом, то есть ответом на вопрос, почему именно сейчас сообщается данная информация именно в такой форме сообщения. Язык помогает кодированию и передаче сообщений, он предоставляет возможность составить сообщение таким образом, чтобы информация (содержание сообщения) действительно соответствовало тому, что требовалось в нём передать. Но язык становится бессилён, когда нужно реконструировать и понять смысл социальной ситуации, которая в коммуникации отыгрывается акторами. Актёры понимают намерения, мотивы, цели, опасения друг друга, и строят свою интеракцию с использованием коммуникативных средств,

учитывая намного более широкий контекст, чем тот, что кодируется в сообщениях с помощью языка. По словам Ю. Хабермаса «язык больше не берётся в расчёт как структура, которая делает возможной внутреннюю связь понимания смысла, идентичного значения и intersубъективной значимости» [1, с. 386].

Характеризуя творчество Никласа Лумана в целом, Ю. Хабермас пишет: «Конституирующие мир достижения трансцендентального субъекта, утратившего свой внемировой статус и опустившегося до уровня эмпирического субъекта, реконцептуализируются в достижениях осмысленно и самосоотносительно оперирующей системы» [1, с. 393].

От субъект-центрированного разума Н. Луман перешёл к системной рациональности, которая является своеобразной альтернативой «коммуникативному разуму» Юргена Хабермаса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Луман Н. «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит.; сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 2. – С. 319-352.
2. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / Юрген Хабермас. – Москва: Весь мир, 2008. – 416 с.